

ДАГОН

Я пишу в состоянии сильного душевного напряжения, поскольку сегодня ночью намереваюсь уйти в небытие. У меня нет ни гроша, а снабдьё, единственно благодаря которому моя жизнь остается более или менее переносимой, уже на исходе, и я больше не могу терпеть эту пытку. Поэтому мне ничего не остается, кроме как выброситься из чердачного окна на грязную мостовую. Не думайте, что я слабовольный человек или дегенерат, коль скоро нахожусь в рабской зависимости от морфия. Когда вы прочтете эти написанные торопливой рукой страницы, вы сможете представить себе — хотя вам не понять этого в полной мере, — как я дошел до состояния, в котором смерть или забвенье считаю лучшим для себя исходом.

Случилось так, что пакетбот, на котором я служил в качестве суперкарга, подвергся нападению немецкого рейдера в одной из наиболее пустынных и наименее посещаемых кораблями частей Тихого океана. Большая война в то время только начиналась, и океанская флотилия гуннов еще не погрязла окончательно в своих пороках, как это случилось немного погодя. Итак, наше судно было взято в качестве приза, а с нами, членами экипажа, обращались достаточно гуманно, как и подобает обращаться с пленными моряками по законам войны. Наши враги охраняли нас не очень-то тщательно, благодаря чему уже на шестой день со времени нашего пленения мне удалось бежать на маленькой лодке, имея на борту запас воды и пищи, достаточный для того, чтобы выдержать довольно длительное путешествие.

Обретя наконец-то долгожданную свободу и бездумно положившись на волю волн, я имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Не будучи опытным навигатором, я смог только очень приблизительно определить по солнцу и звездам, что нахожусь где-то южнее экватора. О долготе я не имел ни малейшего представления; тщетной оказалась и надежда на то, что вскоре удастся увидеть полоску берега или какой-нибудь островок. Стояла хорошая погода,

и в течение многих дней я дрейфовал под палящим солнцем, ожидая, что появится какой-нибудь корабль или течение принесет меня к берегу обитаемой земли. Однако ни корабль, ни земля так и не появились, и я начал впадать в отчаяние, осознавая свое полное одиночество посреди мерно вздымающейся синей громады нескончаемого океана.

Перемена произошла в то время, когда я спал, и мне неизвестны детали случившегося, поскольку сон мой, беспокойный и насыщенный различными видениями, длился довольно долго. Проснувшись же, я обнаружил, что меня наполовину засосало в слизистую гладь отвратительной черной трясины, которая простиралась вокруг меня настолько далеко, насколько хватало взора. Моя лодка лежала на поверхности этой трясины неподалеку от меня.

Хотя легче всего представить, что первым моим чувством было изумление от такой неожиданной и чудовищной трансформации пейзажа, на самом деле я скорее испугался, чем изумился, ибо зловоние и черная гниль вокруг произвели на меня самое гнетущее впечатление. Мерзкий запах исходил от разлагающихся останков рыб и других с трудом поддающихся описанию объектов, которые тут и там торчали из отвратительной грязи, образующей эту нескончаемую равнину. Вряд ли мне удастся описать словами угрюмый пейзаж, который окружал меня со всех сторон. Я не слышал ни звука, не видел ничего, кроме необозримого пространства черной трясины, а сама абсолютность тишины и однородность ландшафта подавляли меня, вызывая поднимающийся к горлу ужас.

Солнце сияло с небес, которые показались мне почти черными в своей безоблачной наготе, как будто они отражали это чернильное болото у меня под ногами. Забравшись в лежащую на поверхности трясины лодку и немного поразмыслив, я решил, что ситуации, в которой я оказался, может найтись только одно объяснение. Вследствие подводного извержения вулкана невиданной силы часть океанского дна поднялась на поверхность, причем наверх были вынесены слои, которые в течение многих миллионов лет лежали скрытыми под необозримой толщей вод. Протяженность этой новой суши была столь велика, что, как я ни напрягал свой слух, я не смог уловить шума океанских волн. Не было видно и морских птиц, которые обычно в таких случаях слетаются в поисках добычи, какую представляют собой мертвые морские организмы.

В течение нескольких часов я предавался размышлениям в лодке, которая лежала на боку и давала мне небольшую тень, в то вре-

мя как солнце перемещалось по небу. На закате дня почва стала менее вязкой, и мне показалось, что она достаточно подсохла для того, чтобы в скором времени по ней можно было пройти пешком. В ту ночь я спал, но очень немного, а на следующий день занимался упаковкой тюка с водой и пищей, готовясь к поискам исчезнувшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва стала уже настолько сухой, что по ней можно было шагать без особых затруднений. Запах гниющей рыбы сводил с ума, но я был слишком озабочен более серьезными вещами, чтобы обращать внимание на такие незначительные неудобства, и решительно направился к неведомой цели. Весь день я шел строго на запад, сверяя курс по отдаленному холму, вздымавшемуся посреди этой черной пустыни. В ту ночь я сделал привал под открытым небом, а наутро продолжил свое движение к холму, который, как мне показалось, почти не приблизился с того времени, когда я впервые его заметил. Наконец к вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, который оказался гораздо выше, чем он виделся на расстоянии; перед ним лежала пологая впадина, благодаря чему он еще более резко выделялся на фоне окружающего ландшафта. Я слишком устал, чтобы сразу начинать подъем, и прикорнул у окрашенного лучами заходящего солнца склона холма.

Я не знаю, почему мои сны были в ту ночь такими безумными, но еще до того, как убывающая, как-то странно изогнутая луна взошла на востоке, я проснулся в холодном поту, решив больше не засыпать. Слишком ужасными были мои ночные видения, чтобы я мог выносить их и дальше. И тут-то, в холодном сиянии луны, я понял, как опрометчиво поступал, путешествуя днем. Переждав дневные часы в каком-нибудь укрытии, куда не достигали лучи обжигающего и слепящего солнца, я мог бы сберечь немало сил для ночных переходов; и в самом деле, сейчас я чувствовал себя вполне способным совершить восхождение, на которое не решился перед закатом солнца. Подхватив свой тюк, я начал путь к гребню холма.

Я уже говорил, что монотонное однообразие холмистого пейзажа наполняло меня неясным страхом; но страх этот был пустяком по сравнению с тем ужасом, что я испытал, когда достиг вершины холма и глянул вниз на другую его сторону. Моему взору открылся бездонный провал или, если угодно, каньон, в черные глубины которого не проникал свет луны, взошедшей еще недостаточно высоко для того, чтобы пролить свои лучи за крутой скалистый гребень. У меня возникло такое чувство, будто я стою на самом краю мира

и заглядываю в бездонный хаос вечной ночи, начинающийся за этим краем. В памяти пронеслись жуткие картины «Потерянного рая» и восхождения Сатаны из проклятого царства тьмы.

Когда луна поднялась выше, я заметил, что склоны провала были отнюдь не такими крутыми, как мне показалось вначале. Выступы и обнаженные слои породы образовывали хорошую опору для ног, благодаря чему можно было без особых проблем спуститься вниз, а через несколько сотен футов обрыв и вовсе переходил в пологий спуск. Под влиянием импульса, который я и сейчас не могу до конца объяснить себе, я начал спускаться вниз, цепляясь за выступы скал, и вскоре очутился на пологом склоне, вглядываясь в стигийские глубины, которых никогда еще не достигал ни единый луч света.

Почти сразу же мое внимание привлек странный предмет огромных размеров, расположенный на противоположном склоне, круто поднимавшемся примерно в сотне ярдов передо мной. Обласканный лучами восходящей луны, которых он не знал, наверное, уже миллионы лет, предмет этот испускал белое мерцающее сияние. Вскоре я убедился, что это была всего лишь гигантская каменная глыба, однако все же не мог отделаться от впечатления, что ее контуры и положение не являлись результатом деятельности одной только природы. Когда мне удалось разглядеть предмет более подробно, меня охватили чувства, которые я не в силах выразить, ибо, несмотря на чудовищную величину глыбы и ее присутствие в бездне, разверзшейся на морском дне еще во времена, когда мир был слишком молод, чтобы его могли населять люди, я вдруг совершенно отчетливо понял, что этот странный предмет являлся тщательно оконтуренным монолитом, массивное тело которого несло на себе следы искусной обработки и, возможно, служило когда-то объектом поклонения разумных существ.

Ошеломленный, испуганный и тем не менее испытывающий нечто вроде восхищения, присущего ученому или археологу, я еще раз внимательно огляделся. Луна, находившаяся почти в зените, ярко и таинственно светила над отвесными склонами, и в этом почти дневном сиянии мне удалось различить, что на дне каньона течет полноводная река — она извивалась и исчезала в противоположных его концах, попутно едва не задевая мои ноги. Мелкие волны на другой стороне ущелья плясали у основания громадного монолита, на поверхности которого я сейчас ясно видел как надписи, так и грубо высеченные фигурки. Надписи были выполнены в иероглифической системе, абсолютно мне незнакомой и состоящей по большей части

из условных символов, связанных с водной средой. Среди знаков были рыбы, угри, осьминоги, ракообразные моллюски, киты и им подобные существа. Все это было совершенно непохоже на то, что я когда-либо видел в ученых книгах. Некоторые символы представляли собой изображения каких-то морских существ, очевидно неизвестных современной науке, но чьи разложившиеся останки мне довелось ранее наблюдать на поднявшейся из океана равнине.

Но более всего я был очарован живописной резьбой. По ту сторону разделявшего меня и каменную глыбу потока воды находилось несколько барельефов, которые, благодаря их огромным размерам, можно было разглядеть, не напрягая зрения. Клянусь, их сюжеты могли бы вызвать зависть у самого Доре. Я думаю, что эти объекты, по замыслу, должны были представлять людей — или, по крайней мере, нечто вроде людей, хотя существа эти изображались то резвящимися, как рыбы, в водах какого-то подводного грота, то отдающими почести монолитной святыне, которая также находилась под волнами. Я не отваживаюсь останавливаться подробно на их лицах и формах, ибо одно лишь воспоминание об этом может довести меня до обморока. Гротескные в степени, недоступной, пожалуй, даже фантазии Эдгара По или Булвер-Литтона, они были дьявольски человекоподобными в своих общих очертаниях, несмотря на перепончатые руки и ноги, неестественно широкие и отвислые губы, выпученные стеклянистые глаза и другие особенности, вспоминать о которых мне и вовсе неприятно. Довольно странно, но они, похоже, были высечены почти без учета пропорций — например, одно из существ было изображено убивающим кита, который по величине лишь немного превосходил китобоя. Я сразу же отметил про себя гротескность фигур и их странные размеры, однако мгновение спустя решил, что это были просто боги, выдуманые каким-нибудь первобытным племенем рыбаков или мореходов, чьи последние потомки вымерли за многие тысячелетия до появления первого пилтдаунского человека или неандертальца. Охваченный благоговейным страхом, который вызвала во мне эта неожиданно возникшая картина прошлого, по дерзости своей превосходящая концепции наиболее смелых антропологов, я стоял в глубоком раздумье, а луна отбрасывала причудливые блики на поверхность лежавшего предо мною безмолвного потока.

И вот тогда я внезапно увидел *это*. Почти без плеска поднявшись над темными водами, *оно* плавно вошло в поле моего зрения. Громадное и отвратительное как Полифем, это подобие монстра из

кошмарных снов устремилось к монолиту, обхватило его гигантскими чешуйчатými руками и склонило к постаменту свою уродливую голову, издавая при этом неподдающиеся описанию ритмичные звуки. Наверное, в тот самый момент я и сошел с ума.

Я почти не помню свой стремительный подъем на гребень скалы и возвращение к брошенной лодке, которые я совершил в каком-то исступленном бреду. Мне кажется, всю дорогу я не переставал петь, а когда у меня не оставалось сил на пение, принимался бездумно смеяться. Остались смутные воспоминания о сильной буре, которая случилась через некоторое время после того, как я добрался до лодки; во всяком случае, я могу сказать, что слышал раскаты грома и другие звуки, которые природа издает только в состоянии величайшего неистовства.

Когда я вернулся из небытия, то обнаружил, что нахожусь в госпитале Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского корабля, подбравшего мою лодку в открытом океане. Находясь в бреду, я очень многое рассказал, однако, насколько я понял, эти бредовые речи были оставлены без внимания. Мои спасители ничего не знали ни о каком поднятии дна в акватории Тихого океана; и я решил, что не стоит убеждать их в том, во что они все равно не поверят. Уже потом я отыскал одного знаменитого этнолога и изумил его неожиданной дотошностью своих расспросов относительно древней филистимлянской легенды о Дагоне, Боге рыб, но очень скоро понял, что мой собеседник безнадежно ограничен, и оставил попытки что-либо у него выведать.

...Это бывает по ночам, особенно в периоды, когда луна находится на ущербе. Тогда это существо снова является мне. Я пробовал принимать морфий, однако наркотик дал только временную передышку, а затем захватил меня в плен, сделав рабом безо всякой надежды на освобождение. И сейчас, после того как я представил полный отчет, который станет источником информации или, скорее всего, предметом презрительного интереса окружающих, мне остается только покончить со всем этим. Я часто спрашиваю себя, не было ли все случившееся со мною чистой воды иллюзией — всего лишь причудливым результатом деятельности воспаленного мозга, когда после побега с немецкого военного корабля я лежал без сознания в открытой лодке под лучами палящего солнца. Я задаю себе этот вопрос, но в ответ мне тут же является омерзительное в своей одушевленности видение. Я не могу думать о морских глубинах без содрогания, которое вызывают у меня немислимые твари, в этот самый

момент, быть может, ползущие или тяжело ступающие по скользкому морскому дну, поклоняющиеся своим древним каменным идолам и вырезающие собственные отвратительные образы на подводных гранитных обелисках. И я мечтаю о том времени, когда они поднимутся над морскими волнами, чтобы схватить своими зловонными когтями и увлечь на дно остатки хилого, истощенного войнами человечества, — о времени, когда суша скроется под водой и темный океанский простор поднимется среди вселенского крошечного ада.

Конец близок. Я слышу шум у двери, как будто снаружи об нее бьется какое-то тяжелое скользкое тело. Оно не должно застать меня здесь. Боже, *эта рука!* Окно! Скорее к окну!

ХРАМ

(Рукопись, найденная на побережье Юкатана)

20 августа 1917 года я, Карл Генрих, граф фон Альтберг-Эренштайн, капитан-лейтенант военно-морского флота Германской империи, командир субмарины U-29, помещаю эти записи в запечатанную бутылку с тем, чтобы доверить их водам Атлантики в точке, мне доподлинно неизвестной, но расположенной приблизительно на 20-м градусе северной широты и 35-м градусе западной долготы, где лежит на океанском дне мой потерявший управление корабль. Я делаю это с целью довести до общего сведения ряд весьма неординарных фактов, которые едва ли когда-нибудь смогут быть предьявлены мною лично, учитывая безнадежность моего настоящего положения, — здесь я имею в виду не только саму катастрофу U-29, столь же загадочную, сколь и непоправимую, но и — что еще хуже — все более очевидные признаки ослабления моей железной германской воли и силы духа.

18 июня, после полудня, как я тогда же и передал по радио на U-61, находившуюся неподалеку от нас и державшую курс на базу в Киле, мы торпедировали британское грузовое судно «Виктория», шедшее из Нью-Йорка в Ливерпуль. Это произошло на 45 градусах 16 минутах северной широты и 28 градусах 34 минутах западной долготы. Мы позволили экипажу перебраться в спасательные шлюпки и засняли гибель корабля на кинолентку для последующей демонстрации этих кадров в Имперском Адмиралтействе. Судно тонуло, можно сказать, живописно, зарываясь носом в волны и все выше задирая корму; наконец его корпус встал вертикально и спустя несколько мгновений исчез под водой. Наша кинокамера не упустила ни малейшей детали; остается лишь сожалеть, что такой превосходный документальный материал никогда уже не попадет в Берлин. Завершив съемку, мы расстреляли из пулеметов спасательные шлюпки, и я скомандовал погружение.

Когда перед заходом солнца мы снова всплыли на поверхность, первое, что попало нам на глаза, было тело матроса, мертвой хват-

кой вцепившегося в ограждение палубы нашей лодки. Несчастный молодой человек (судя по внешности, это был грек или итальянец, темноволосый, с правильными, на редкость красивыми чертами лица), несомненно, принадлежал к экипажу «Виктории». Он, похоже, пытался найти спасение на борту того самого корабля, который волею судьбы стал виновником гибели его собственного судна — еще одна жертва несправедливой и агрессивной войны, развязанной подлыми собаками-англичанами против нашего славного Отечества. Обыскав труп, мои люди обнаружили в кармане его куртки весьма необычный предмет — искусно вырезанную из слоновой кости голову юноши с покрывавшим ее лавровым венком. Лейтенант Кленц, мой помощник и заместитель, изъял эту скульптуру у матросов и, полагая, что имеет дело с произведением огромной исторической и художественной ценности, сохранил ее у себя. Для нас обоих осталось загадкой, каким образом подобная вещь могла попасть в руки простого моряка.

После обыска мертвец был выброшен за борт; при этом произошли два события, вызвавшие сильное волнение среди членов экипажа. Глаза трупа сперва были закрыты, но, когда его с большим трудом оторвали от поручня и потащили к краю палубы, они внезапно широко раскрылись; многие потом всерьез утверждали, будто взгляд этот был осмысленным. По их словам, мертвец внимательно и несколько даже насмешливо наблюдал за склонившимися над ним в тот момент Шмидтом и Циммером. Боцман Мюллер, человек хотя и достаточно пожилой, но отнюдь не умудренный жизнью — что вы хотите от этой суеверной эльзасской свиньи! — был настолько впечатлен странным поведением трупа, что продолжал следить за ним, когда тот был уже в воде; он клятвенно уверял, что видел своими глазами, как мертвец, погрузившись на небольшую глубину, расправил скрюченные прежде конечности и, приняв классическую позу пловца, начал стремительно удаляться от лодки в южном направлении. Мы с Кленцем положили конец всем этим проявлениям дремучего крестьянского невежества, сделав самый суровый выговор своим людям, и Мюллеру в первую очередь.

На следующий день обстановка на корабле была беспокойной вследствие внезапного недомогания, случившегося сразу у нескольких членов экипажа. Причиной тому, вероятно, было нервное переутомление, обычное для долгих морских походов, и плохой сон. Они казались рассеянными и какими-то отупевшими; убедившись, что это не симуляция, я временно освободил всех больных от несе-

ния вахты. Море порядком штормило, и мы опустились на глубину, где качка была не столь ощутимой и где мы могли переждать непогоду без особых проблем, если, конечно, не считать за проблему невесть откуда взявшееся подводное течение, не обозначенное ни на одной из наших океанографических карт. Стенания больных между тем становились откровенно раздражающими; видя, однако, что это не сказывается на боевом духе команды в целом, мы решили до времени воздержаться от радикальных шагов. Наши ближайшие планы предусматривали продолжение крейсерских операций в этих водах; в качестве главной цели был выбран лайнер «Дакия», упоминавшийся в недавних сообщениях германских агентов из Нью-Йорка.

Когда в конце дня лодка поднялась на поверхность, волнение моря уже почти улеглось. На северном горизонте дымили трубы боевого корабля, не представлявшего, впрочем, серьезной угрозы для нашей всегда готовой к погружению субмарины. Гораздо больше нас встревожили бредовые речи боцмана Мюллера, который с наступлением темноты сделался совсем невменяемым. Противно было слушать его детский лепет о мертвецах, плавающих в открытом море и якобы заглядывающих в иллюминаторы подлодки; в этих вздувшихся, тронутых разложением трупах он узнавал людей, чью смерть ему приходилось ранее наблюдать в ходе наших победоносных боевых операций. По его утверждению, предводителем этих мертвецов был молодой человек, труп которого мы при известных обстоятельствах обнаружили на палубе субмарины. Дабы впредь избавить себя от выслушивания подобных гнусностей, мы приказали заковать Мюллера в кандалы и хорошенько вразумить плетью. Эта воспитательная процедура вряд ли пришлась по душе рядовому составу команды, но — дисциплина прежде всего. Мы с лейтенантом Кленцем отклонили также обращение делегации матросов во главе с Циммером, просивших нас выбросить в море загадочное скульптурное изображение.

20 июня заболевшие накануне матросы Боум и Шмидт перешли из состояния прострации в состояние буйного помешательства. Я всерьез пожалел о том, что подводный флот Германии не комплектуется дополнительно офицерами-психиатрами, — как-никак речь идет о немецких жизнях, каждая из которых драгоценна; однако постоянные вопли и причитания этой парочки насчет какого-то нависшего над всеми нами ужасного проклятья начали пагубно отражаться на дисциплине остальных, что вынудило нас прибегнуть

к мерам исключительного характера. Экипаж воспринял происшедшее в угрюмом молчании, тогда как на боцмана Мюллера это подействовало умиротворяюще и в дальнейшем он уже не доставлял нам хлопот. Будучи освобожден от оков вечером того же дня, он без лишних слов приступил к исполнению своих обязанностей.

На протяжении всей следующей недели мы были очень взвинчены, каждую минуту ожидая появления «Дакии». Напряженное состояние усугублялось исчезновением Мюллера и Циммера, без сомнения покончивших с собой на почве преследовавших их навязчивых страхов; этот факт, впрочем, нельзя считать доказанным, поскольку никто не видел, как самоубийцы бросались за борт. Я, в сущности, был рад отделаться от Мюллера, который даже своим молчанием действовал на экипаж угнетающе. Люди теперь стали более замкнуты; чувствовалось, что они втайне чего-то боятся. Многие были нездоровы, но никто больше не устраивал истерик. Общая атмосфера повлияла и на лейтенанта Кленца, которого начали раздражать самые пустяковые вещи — такие, например, как игры дельфинов, целыми стаями собиравшихся вокруг U-29, или возрастающая интенсивность южного течения, не показанного на наших картах.

В конечном счете стало ясно, что «Дакию» мы упустили. Подобные неудачи не являются чем-то из ряда вон выходящим, и мы испытывали скорее облегчение, нежели досаду, ибо теперь на очереди стояло возвращение в Вильгельмсхафен. В полдень 28 июня мы повернули на северо-восток и после нескольких весьма курьезных стычек с необычно большими скоплениями дельфинов дали машинам полный ход.

Взрыв в двигательном отсеке в два часа ночи явился для нас полной неожиданностью. Без всякой видимой причины — ибо я при всем желании не могу сослаться на какие-либо неполадки в машинах или на небрежность персонала — корабль вдруг из конца в конец содрогнулся от удара страшной силы. Лейтенант Кленц поспешил в двигательный отсек, где обнаружил пробитый топливный бак и развороченную взрывом главную установку, а также тела погибших механиков Раабе и Шнайдера. Наше положение таким образом резко ухудшилось, лодка была обездвижена и лишена управления; правда, остались неповрежденными химические регенераторы воздуха и устройства, обеспечивающие всплытие и погружение корабля и работу шлюзовых камер, но и здесь все зависело лишь от того, надолго ли хватит запасов сжатого воздуха и энергии аккумуляторных батарей. Попытка воспользоваться спасательными лодками не-

минуемо привела бы к пленению нас неприятелем, испытывающим необъяснимую злобу и ненависть по отношению к нашей великой германской нации; что же касается радио, то нам со времени потопления «Виктории» ни разу не удавалось выйти на связь с другими субмаринами имперского флота.

С момента аварии и вплоть до 2 июля мы дрейфовали на юг, не встречая по пути никаких судов. Дельфины по-прежнему окружали U-29 плотным кольцом — обстоятельство, достойное удивления, если учесть расстояние, пройденное нами за это время. Утром 2 июля вдали показался боевой корабль под американским флагом, что возбудило в команде сильнейшее желание капитулировать. В результате лейтенанту Кленцу пришлось пристрелить одного из матросов, а именно Траубе, который с особой настойчивостью призывал к совершению этого противного немецкой природе поступка. Все прочие крикуны сразу притихли, и мы успели уйти под воду незамеченными.

На следующей день с юга появилась огромная стая морских птиц. Погода стала быстро ухудшаться, все указывало на приближение бури. Задраив люки, мы ожидали дальнейшего развития событий, пока необходимость погружения не стала очевидной — в противном случае наш неуправляемый корабль рисковал быть опрокинутым чрезвычайно высокими и крутыми волнами. До сих пор мы старались экономить электричество и сжатый воздух, давление которого уже ощутимо упало; но сейчас у нас не было выбора. Мы погрузились на сравнительно небольшую глубину и, едва только шторм начал стихать, решили подняться на поверхность. Тут нас ожидало новое потрясение: полностью отказали все устройства, обеспечивающие всплытие субмарины. Очутившись в подводном плену, люди очень скоро пришли в состояние, близкое к панике; некоторые вновь стали намекать на хранившуюся у лейтенанта Кленца античную скульптуру как на источник всех наших бед. Однако вид автоматического пистолета их несколько успокоил. Бедные парни — мы все время старались их чем-нибудь занять, заставляя чинить вышедшее из строя оборудование, хотя и сами прекрасно сознавали абсолютную бесполезность этих усилий.

Обычно мы с Кленцем спали по очереди; как раз во время моего сна, около пяти часов утра 4 июля, и произошел открытый мятеж. Шестеро оставшихся в живых ублюдков, полагая отныне свою гибель неизбежной, внезапно пришли в дикую ярость, причиной которой послужило воспоминание о нашем отказе за два дня до того

сдаться в плен военному кораблю янки. С животным ревом металась она по кораблю, круша попадавшие под руку приборы и поминая на разные лады все ту же злосчастную скульптуру и ее мертвого хозяина, так потрясшего их своим многозначительным взглядом и нехарактерной для трупа подвижностью. Лейтенант Кленц оказался не на высоте положения, пребывая в растерянности и бездействии, чего, впрочем, и следовало ожидать от слабовольного и женоподобного уроженца Рейнской провинции. Я пристрелил всех шестерых, как того требовала обстановка, и после еще раз лично удостоверился в смерти каждого.

Мы удалили трупы через шлюзовые камеры и остались на U-29 вдвоем. Кленц очень нервничал и почти все время был пьян. Мы решили держаться как можно дольше, благо в нашем распоряжении были значительные запасы провизии, а химические установки исправно вырабатывали кислород — к счастью, ни одна из них не пострадала от рук этих грязных скотов. Однако все наши компасы, глубиномеры и прочие хрупкие приборы были разбиты, так что в дальнейшем мы могли определять свое местонахождение лишь приблизительно, пользуясь для этого наручными часами и календарем и вычисляя скорость дрейфа путем наблюдений за различными морскими организмами через бортовые иллюминаторы или из боевой рубки. Заряда аккумуляторных батарей вполне хватало для внутреннего освещения корабля, кроме того, мы периодически включали наружный прожектор, но, в какую бы сторону мы его ни направляли, везде были видны одни и те же дельфины, плывшие параллельным с нами курсом. Эти дельфины заинтересовали меня с чисто научной точки зрения; как известно, обычный *Delphinus delphis* является млекопитающим из семейства китовых и, подобно всем другим млекопитающим, не может жить без воздуха, однако я специально два часа подряд следил за одним из этих пловцов, и за все это время он ни разу не поднимался к поверхности океана.

По прошествии нескольких дней мы с Кленцем пришли к выводу, что, продолжая дрейфовать в южном направлении, субмарина понемногу опускается на глубину. Мы отмечали изменения в окружающей нас подводной флоре и фауне и прочли на эту тему немало книг из моей походной библиотеки. Должен признать, что научная компетентность моего товарища по несчастью оставляла желать много лучшего. В его стиле мышления не было ничего прусского, он при всяком удобном случае давал волю своему нездоровому воображению или же пускался в пространные рассуждения, не пред-

ставлявшие никакого практического интереса. Приближение смерти пугало его чрезвычайно — нередко я заставлял его за молитвой, в которой он поминал всех мужчин, женщин и детей, в разное время отправленных нами на дно, забывая при этом, что любые действия, совершенные ради блага Германии, являются справедливыми и достойными всяческого одобрения. Постепенно теряя чувство реальности, он мог часами смотреть на скульптурный образ античного юноши и рассказывать фантастические истории о кораблях и людях, бесследно сгинувших в море. Иногда, в порядке психологического эксперимента, я сам уводил его на эту зыбкую почву, дабы развлечься его бесконечными поэтическими цитатами и вольными переложениями старых морских легенд. Мне было искренне жаль его, я вообще не могу оставаться равнодушным, когда вижу страдания немца; но что поделаешь — он был не тем человеком, вместе с которым легко встречать смерть. За себя лично я был спокоен и с гордостью думал о том, как родное Отчество будет чтить мою память и как моим сыновьям будут ставить в пример их доблестного отца.

9 августа мы обнаружили в непосредственной близости от лодки океанское дно и осветили его лучами прожектора. Местность под нами представляла собой холмистую равнину, большей частью покрытую ковром из морских трав и колониями мелких моллюсков. То здесь, то там из темноты выступали очертания одиноко торчавших морских скал, заросших водорослями и густо облепленных ракушками, но, несмотря на это, чем-то неуловимо схожих между собой. По утверждению Кленца, это были останки погибших кораблей. Гораздо больше его озадачила каменная глыба, поднимавшаяся вертикально над морским дном на высоту примерно четырех футов и имевшая два фута в диаметре; ее боковые стены, очень ровные и гладкие, в верхней части резко сходились, образуя треугольную, правильной формы вершину. Я объяснил происхождение этого феномена обнажением кристаллических горных пород, Кленцу же померещились на поверхности глыбы какие-то странные письмена. Спустя некоторое время его начала бить нервная дрожь, и он отвернулся от иллюминатора с выражением сильнейшего испуга на лице. Причину столь постыдного малодушия я нахожу лишь в его общем угнетенном состоянии, вызванном беспредельностью, мрачностью и таинственностью открывшейся перед нами морской бездны. Такое испытание оказалось сверх его сил; я же, как оно и подобает германскому офицеру, сохранил ясность мыслей и полное хладнокро-

вие, успев между делом отметить два интересных обстоятельства: во-первых, U-29 прекрасно выдерживала глубоководное давление, на которое ее конструкция изначально рассчитана не была; во-вторых нас по-прежнему сопровождали дельфины, тогда как большинство ученых-натуралистов категорически отрицают возможность существования высших форм жизни на этих глубинах. Хотя теперь я был уверен в том, что в своих первых оценках преувеличил быстроту погружения субмарины, но в любом случае достигнутая нами глубина была достаточно велика для того, чтобы сделать упомянутые выше факты заслуживающими внимания. Определив скорость нашего дрейфа по ориентирам на океанском дне, я убедился в правильности моих прежних расчетов, произведенных еще в поверхностных слоях воды.

Между тем настал момент, когда несчастный Кленц сошел с ума уже бесповоротно. Это случилось в 3 часа 15 минут пополудни 12 августа. Перед тем он находился в боевой рубке, наружный прожектор был включен — и вдруг я увидел, как он врывается в каюту, где я сидел за книгой, и сразу же догадался обо всем по его лицу. Вот что он мне сказал (привожу его речь дословно): «Он зовет нас к себе! Он зовет нас к себе! Я слышу его! Нам надо идти!» Произнеся это, он схватил со стола скульптуру, засунул ее в карман и потянул меня за руку к трапу, ведущему на палубу субмарины. Только теперь я понял, что он хочет открыть люк и выбраться вместе со мною наружу. Сама эта идея, грозившая верной гибелью нам обоим, была настолько нелепой и страшной, что я, признаться, сперва даже растерялся. Остановившись, я попробовал его урезонить, но он уже был неуправляем. «Идем же скорее, — твердил он свое, — ждать больше нечего. Лучше раскаяться и получить прощение, чем упорствовать, вынося себе окончательный приговор». Тогда я попытался изменить тактику, перейдя от уговоров к прямым оскорблениям. Я назвал его маньяком, жалким безумным ничтожеством, — все было тщетно. Он кричал мне в ответ: «Если я действительно безумен, то это счастье! Да будут боги милосердны к тем, кто может сохранить рассудок вплоть до грядущего ужасного конца! Еще не поздно сойти с ума, так поспешим, пока он зовет, в последний миг даруя нам прощение!»

После этой вспышки красноречия сознание его как будто слегка прояснилось, и он уже гораздо более спокойным голосом попросил меня позволить ему уйти одному, раз уж я не намерен составить ему компанию. На сей раз я не колебался с принятием решения. Да,

конечно, это был немец, мой соотечественник, но в то же время он был не пруссак, а всего лишь рейнландец, к тому же плебейского происхождения; и потом — это был потенциально опасный безумец. Уступив его самоубийственной просьбе, я тем самым избавился бы от спутника, чье присутствие на корабле отныне таило в себе угрозу и моей собственной жизни. Я попросил его не уносить с собой скульптуру — ответом на это был жуткий истерический смех, звучание которого я не берусь описать словами. Когда же я осведомился, не желает ли он оставить какую-нибудь памятную вещицу или локон волос, которые я мог бы передать его семье в Германии, если вдруг удастся спастись, то вновь услышал все тот же отвратительный хохот. Дальнейшее промедление не имело смысла, он забрался в плюзовую камеру, и я, выдержав необходимую паузу, привел в действие механизм, отправивший беднягу к праотцам. Удостоверившись, что тело покинуло пределы подлодки, я включил прожектор, надеясь увидеть его в последний раз — меня интересовало, будет ли труп сплюснен в лепешку глубоководным давлением или же останется невредимым, как те удивительные дельфины. Мне, однако, не удалось обнаружить никаких следов моего бывшего соратника, ибо дельфины, сгрудившись плотной массой перед боевой рубкой, начисто перекрыли обзор.

Очень скоро я пожалел, что перед уходом Кленца не вытащил тайком у него из кармана эту скульптуру, поскольку воспоминание о ней не давало мне с той поры покоя. Я постоянно видел перед собой эти юные, прекрасные черты лица в обрамлении сплетающихся листьев, испытывая при этом волнение, необычное для моей отнюдь не артистической натуры. Меня впервые по-настоящему огорчило отсутствие собеседника. Кленц, хотя и далеко не ровня мне по уровню интеллекта, все же был лучше, чем никто. Я плохо спал этой ночью и, ворочаясь на своей койке, продолжал думать о неумолимо приближающейся развязке. Я, разумеется, понимал, что мои шансы на спасение ничтожны.

На следующий день я, как обычно, поднялся в рубку для изучения обстановки за бортом субмарины. В северном направлении подводный ландшафт мало чем отличался от того, что мы наблюдали в течение последних четырех суток. Правда, скорость дрейфа U-29 теперь значительно уменьшилась. Развернув прожектор в противоположную сторону, я заметил, что дно впереди начинает идти под уклон; в поле зрения все чаще попадали одинаковые по форме монолиты, расположенные не в хаотическом беспорядке, а

словно повинуюсь какой-то определенной схеме. Океанское дно уходило вниз гораздо круче, чем погружалась подлодка, и вскоре, дабы хоть что-нибудь разглядеть, мне пришлось направить луч света почти вертикально вниз. В результате слишком резкого изменения угла наклона произошел обрыв электрического провода; ликвидация этой неисправности отняла у меня несколько минут. Наконец все было восстановлено, и при свете прожектора моему взору открылась лежащая меж двух горных отрогов подводная долина.

Не будучи никоим образом склонен к бурным проявлениям эмоций, я все же в первый момент не смог сдержать удивленного возгласа. Я вынужден сознаться в этом, хотя человеку, воспитанному в лучших традициях великой прусской культуры, не пристало удивляться подобным вещам — достаточно было обратиться к своим познаниям в геологии и истории, чтобы вспомнить о гигантских тектонических смещениях, происходивших в разное время как в океанских, так и континентальных областях земной коры. А увидел я следующее: далеко внизу параллельно друг другу тянулись, исчезающая во мраке, ряды полуразрушенных зданий великолепной, хотя и весьма необычной по своему стилю архитектуры, построенных большей частью из мрамора — если судить по тому мягкому и бледному мерцанию, с каким их стены отражали луч света. Развалины мертвого города занимали собой все пространство узкой вытянутой долины, по обеим сторонам которой на уступах крутых горных склонов располагались многочисленные, особняком стоящие храмы, дворцы и виллы. Крыши домов были обрушены, колонны повалены и расколоты, но следы былой красоты и величия проглядывали повсюду в нагромождениях древних руин.

Встреча с мифической Атлантидой — ибо я до тех пор полагал ее существование мифом — внезапно пробудила во мне азарт исследователя. По дну долины, как я догадался, в древние времена протекала река — мне удалось разглядеть остатки гранитных и мраморных мостов, дамб, террас и набережных, некогда, вероятно, утопавших в роскошной зелени аллей и скверов. Охваченный энтузиазмом, я едва не опустился до идиотской сентиментальности, ранее столь раздражавшей меня самого в рассуждениях бедного Кленца. Только сейчас я впервые заметил отсутствие южного течения — U-29 медленно планировала над затонувшим городом, подобно тому как снижается аэроплан перед посадкой в обычных городах там, наверху. Я также с опозданием обнаружил исчезновение сопровождавшей меня стаи дельфинов.

Спустя примерно два часа лодка легла на каменные плиты площадки, примыкавшей к скалистому склону горы. По одну сторону от меня раскинулся город, отлого спускавшийся к руслу реки; по другую сторону я в неожиданной близости от себя увидел богатый, отлично сохранившийся фасад громадного здания, очевидно храма, выдолбленного внутри цельной скалы. Каких трудов могло стоить создание столь титанического сооружения — на сей счет остается лишь строить догадки; тем более что, судя по множеству окон, за монументальным фасадом должны скрываться довольно обширные внутренние помещения. Парадная лестница в средней части фасада поднималась к огромным, распахнутым настежь дверям, украшенным по периметру рельефными фигурами, напоминавшими персонажей вакхического карнавала. Особенно сильное впечатление произвели на меня мощные колонны и фриз со скульптурами поразительной красоты и изящества: здесь были изображены идиллические картины пасторальной жизни, а также процессии жрецов и жриц со странного вида предметами культа, совершающих обряд поклонения некоему лучезарному божеству. Мастерство художественного исполнения было просто феноменальным; искусство этого народа казалось в чем-то близким по духу к древнегреческому, и в то же время оно резко отличалось от него. Что-то подсказывало мне, что я имею дело с очень отдаленным во времени предшественником эллинской культуры, нежели с непосредственным ее вдохновителем. У меня уже не вызывал сомнений тот факт, что все это грандиозное произведение архитектуры вплоть до мельчайших деталей было высечено из единого скального монолита, который являлся частью нависавшего над долиной горного хребта. Размеры внутренних помещений храма для меня оставались загадкой; возможно, основу их составляла огромная естественная пещера или даже система пещер, проникающих далеко в глубь горы. Ни время, ни вода никак не отразились на первоначальной великолепии древнего храма — а это, конечно, мог быть только храм, — и ныне, тысячи лет спустя, нетронутый и неоскверненный, он покоился в окружении вечного мрака и безмолвия океанской бездны.

Не помню, сколько часов провел я в созерцании затонувшего города с его домами, арками, статуями и мостами, с его колоссальным храмом, прекрасным и пугающе таинственным одновременно. Даже в преддверии смерти моя любознательность брала верх над всеми остальными чувствами — прожектор выхватывал из темноты все новые и новые удивительные подробности. Но он был бессилен

проникнуть в зияющий провал центрального входа в храм; в конце концов я вспомнил о необходимости экономить энергию и отключил прожектор, свет которого и так уже был заметно слабее, чем в первые дни нашего вынужденного дрейфа. Перспектива в скором времени остаться без света лишь обострила во мне жажду немедленной деятельности. Именно я, представитель великой Германии, должен первым пройти по следам этой канувшей в вечность цивилизации!

Я достал и осмотрел глубоководный водолазный костюм, изготовленный из гибко сочлененных металлических пластин, проверил работу портативного фонаря и регенератора воздуха. Определенное затруднение представлял выход из шлюзовой камеры в одиночку, без чьей-либо помощи, но я был уверен, что сумею решить эту проблему, используя свои технические знания и опыт.

16 августа я покинул борт U-29 и, увязая ногами в толстом слое ила, покрывающем улицы разрушенного города, двинулся вниз по направлению к речному руслу. Мне нигде не удалось обнаружить скелетов или иных человеческих останков, но зато я сделал немало иных, бесценных с точки зрения археологии находок, прежде всего скульптур и старинных монет. Сейчас я не имею возможности распространяться на эту тему во всех подробностях; скажу лишь, что испытал благоговейный трепет при знакомстве с культурой, находившейся в полном расцвете величия и славы в те времена, когда по долинам Европы бродили пещерные жители, а могучий Нил нес свои воды мимо диких, первозданных берегов. Быть может, те, кто найдет эту рукопись (если она вообще будет когда-нибудь найдена), сумеют ближе подойти к разгадке тайны, о которой я здесь говорю лишь намеками. Тем временем энергия моих электрических батарей уже подошла к концу, и я был вынужден поторопиться с возвращением, решив посвятить весь следующий день осмотру храма в глыбине скалы.

17-го числа, когда я окончательно укрепился в своих намерениях проникнуть внутрь храма, меня внезапно постигло тяжкое разочарование: как оказалось, все элементы, необходимые для подзарядки портативного фонаря, были уничтожены еще во время июльского бунта этих паршивых свиней. Ярость моя была беспредельной, однако германский здравый смысл не позволил мне отправиться без соответствующего снаряжения в непроглядную тьму пещеры, вполне могущей оказаться логовом какого-нибудь невиданного морского чудовища или запутанным лабиринтом ходов, из которых

я никогда не смог бы выйти наружу. Все, что я был в состоянии сделать, — это направить на фасад здания изрядно уже потускневший луч прожектора U-29 и при его свете взойти по ступеням наверх, чтобы вблизи рассмотреть украшения храма. Сноп света падал на дверь под восходящим углом, и когда я заглянул внутрь в надежде хоть что-нибудь разглядеть во мраке, то не увидел даже смутных очертаний стены или свода в той стороне, куда устремлялся луч. Сделав шаг или два вперед, предварительно ощупывая пол стальным прутом, я не осмелился идти дальше. Более того — впервые в жизни я ощутил пронзительный, леденящий ужас. Теперь я начал лучше понимать душевное состояние несчастного Кленца; в то время как храм притягивал меня все сильнее, внутри меня возрастал слепой страх перед неизвестностью, ожидавшей меня за этим порогом. Вернувшись на борт субмарины, я выключил свет и принялся размышлять, сидя в полной темноте. Электричество следовало экономить на случай крайней необходимости.

Субботу 18-го числа я так и провел в темноте, мучимый самыми разными мыслями и воспоминаниями; это было очень нелегким испытанием даже для моей истинно германской выдержки. Кленц, на свое счастье, успел сойти с ума и погибнуть, прежде чем мы достигли этих затаившихся в глубине океана зловещих обломков далекого прошлого — и он тогда еще призывал меня последовать его примеру. Неужели и вправду судьба сохранила мне разум лишь для того, чтобы привести меня, беспомощного и беззащитного, к концу более ужасному, чем в состоянии вообразить человек? Нет, очевидно, все дело было в нервном перенапряжении; впечатлительность — удел ничтожеств, и я обязан усилием воли преодолеть эту временную слабость.

Я так и не смог заснуть в ту ночь и, уже не думая об экономии, снова включил свет. Было очень досадно, что электричеству суждено кончиться раньше, чем запасам воздуха и провизии. Вспомнив еще об одном — наиболее простом из всех возможных — исходе, я тщательно почистил свой автоматический пистолет. Ближе к утру я, должно быть, уснул при включенном свете, так как, проснувшись вчера после полудня, обнаружил батареи совершенно безжизненными. Я зажег одну за другой несколько спичек и в отчаянии посоветовал на ту непредусмотрительность, с какой мы давным-давно израсходовали все имевшиеся у нас свечи.

Когда погасла последняя спичка, которую я решился истратить, я долго сидел в темноте и полном безмолвии. В который раз уже

думая о неизбежности смерти, я прокручивал в памяти всю череду недавних событий и внезапно наткнулся на как будто дремавшее до поры мимолетное впечатление, которое заставило бы содрогнуться любого более слабого и суеверного человека. *Голова лучезарного божества на фасаде храма была тем же самым скульптурным портретом античного юноши, принесенным из моря мертвым матросом и впоследствии возвращенным обратно в море несчастным Кленцем.*

Я был слегка озадачен таким совпадением, но ни в коей мере не уstraшен. Только недоразвитым умам свойственна поспешность, с какой они объясняют любую необычную и сложную для понимания вещь действием якобы сверхъестественных сил. Совпадение, безусловно, было довольно странным, но я, как человек здравомыслящий, не собирался увязывать факты, не предполагающие между собой никакой логической связи, или искать закономерную последовательность в трагических событиях, произошедших с нами со дня гибели «Виктории» вплоть до настоящего времени. Ощущая потребность в дополнительном отдыхе, я принял успокоительное лекарство и погрузился в сон. Мое нервное состояние отразилось и на сновидениях, ибо я все время слышал крики тонущих в море людей и видел мертвые лица, прильнувшие к иллюминаторам лодки. Среди этих отвратительных мертвых масок я вдруг увидел живое, насмешливо глядевшее на меня лицо молодого матроса, обладателя той самой проклятой статуэтки.

Описывая сегодняшний день с момента своего пробуждения, я должен быть особенно внимательным, поскольку нервы мои расшатаны и реальные факты в моем сознании начинают путаться с галлюцинациями. Мой случай должен представлять исключительный интерес для психологов, и я сожалею, что недоступен сейчас для научного наблюдения со стороны компетентных германских специалистов.

Первым, что я почувствовал, едва открыв глаза, было непреодолимое желание сию же минуту встать и идти в храм; желание это росло и усиливалось, и лишь какой-то подсознательный рефлекс самосохранения удержал меня от этого безумного шага. Вскоре после того мне почудился *свет*, слабо струящийся в окружавшей меня кромешной тьме; я как будто заметил смутные фосфорические блики за иллюминатором, выходящим в сторону храма. Это возбудило мое любопытство, поскольку мне ничего не было известно о глубоководных организмах, способных быть источником столь силь-

ного свечения. Но прежде чем я успел что-либо предпринять, следующее, уже третье подряд необъяснимое явление заставило меня вообще усомниться в объективности своих ощущений. На сей раз это была слуховая галлюцинация — ритмический мелодичный звук, похожий на не очень стройное и в то же время чарующе прекрасное хоровое песнопение или религиозный гимн, каким-то образом доносившийся извне сквозь звуконепроницаемый корпус лодки. Угадав в этом первый опасный признак психического расстройства, я зажег еще несколько спичек и принял большую дозу раствора бромистого натрия, которая несколько сняла напряжение — по крайней мере, она помогла рассеять акустическую иллюзию. Но фосфорическое свечение не исчезало, и я с трудом подавил в себе нелепое желание приблизиться к иллюминатору, чтобы разгадать его природу. А свет меж тем казался поразительно реальным; вскоре я начал различать вокруг себя знакомые предметы и среди них пустой стакан из-под бромистого натрия, который уж точно никак не мог быть давним, отложившимся в памяти визуальным впечатлением, поскольку виделся мне сейчас не на своем привычном месте, а там, где я случайно поставил его несколько минут назад. Это последнее обстоятельство меня порядком озадачило, я пересек каюту и дотронулся рукой до стакана. Он действительно находился здесь, я видел и осязал его одновременно. Теперь я знал, что либо свет этот и впрямь был настоящим, либо же он являлся частью столь глубокой и всеобъемлющей галлюцинации, что всякая попытка устранить ее была заранее обречена на провал. Поэтому, прекратив бесполезную борьбу с самим собой, я немедленно отправился наверх в боевую рубку, чтобы взглянуть оттуда на источник таинственного света. Разве не могла им оказаться еще одна германская субмарина, дававшая мне неожиданный шанс на спасение?

Читателю ни в коем случае не стоит принимать все, изложенное мною ниже, за объективную истину. Поскольку эти события не укладываются в рамки естественного порядка вещей, они неизбежно являются продуктом моего расстроенного воображения. Итак, поднявшись в рубку, я обнаружил подводное пространство в целом гораздо менее освещенным, чем ожидал его увидеть. Вокруг не было никаких фосфоресцирующих растений или животных, и спускавшийся к руслу реки город был окутан непроницаемым мраком. Что же касается зрелища, представшего передо мной по другую сторону рубки, то оно не показалось мне ни особо эффектным или абсурдным, ни тем более наводящим страх, однако оно погасило

последнюю искру надежды, еще тлеющую в глубине моего сознания. *Ибо распахнутая дверь и окна вырубленного в скале подводного храма излучали яркий, слегка колеблющийся свет, напоминавший отблески огромного жертвенного костра, горевшего где-то далеко внутри здания.*

Мои последующие впечатления сумбурны и фрагментарны. По мере того как я все пристальнее вглядывался в эту противоестественную картину, меня начали посещать разные видения — в глубине храма мне представлялись какие-то предметы и фигуры; некоторые из них перемещались, иные были неподвижны. Тогда же я вновь услышал те самые отдаленные звуки хора, которые впервые достигли моего слуха сразу же после пробуждения. Постепенно нараставшие во мне беспокойство и страх сконцентрировались вокруг молодого пришельца из моря и его резной статуэтки, во всех деталях повторявшей изображения на фризе и колоннах храма. Вспомнив бедного Кленца, я подумал о том, где может сейчас покоиться его тело вместе с этой статуэткой, унесенной им обратно в океан. Перед уходом он пытался меня о чем-то предупредить, но я не прислушался к его словам, — ведь это был всего лишь слабохарактерный и мягкотелый рейнландец, помешавшийся от невзгод и опасностей, которые уроженец Пруссии способен переносить без малейшего затруднения.

Мне остается добавить совсем немного. Навязчивая идея войти внутрь храма превратилась теперь в категорический, требующий беспрекословного подчинения приказ. Отныне моя германская воля не управляет уже моими поступками, но я пока могу выказывать самостоятельность во второстепенных вопросах. Эта же разновидность умственной болезни ранее погубила Кленца, заставив его устремиться в морскую пучину даже без элементарного защитного снаряжения; однако я, человек прусского склада ума и характера, намерен до конца использовать все те немногие возможности, которыми пока располагаю. Когда я понял, что мне так или иначе придется идти в храм, я первым делом тщательно осмотрел и подготовил к выходу свой водолазный костюм, шлем и регенератор воздуха, после чего взялся за составление этих поспешных записей в надежде, что они когда-нибудь станут достоянием гласности. Покидая — теперь уже навсегда — свою субмарину, я отправлю к поверхности океана запечатанную бутылку с этой рукописью.

Я не испытываю страха, меня также мало тревожат пророчества сумасшедшего Кленца. Все мною виденное не имеет ничего общего

с реальной действительностью; в конечном итоге следствием моего безумия явится самая обыкновенная смерть от удушья, когда иссякнет запас кислорода. Горящий внутри храма свет — это не более чем обман зрения, так что мне предстоит по-немецки спокойно и мужественно встретить смерть в безмолвии и непроглядной тьме океанских вод. Демонический хохот, который я слышу, дописывая эти строки, на деле является лишь порождением моего угасающего рассудка. Теперь мне осталось лишь облачиться в водолазный костюм, открыть люк и бесстрашно войти в эту своеобразную древнюю усыпальницу, молчаливо хранящую тайны неизмеримых глубин и далеких забытых столетий.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАГОН. Перевод Е. Мусихина	5
ХРАМ. Перевод В. Дорогокупли	12
ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА. Перевод О. Мичковского.	29
БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД. Перевод Е. Мусихина	36
ИНЫЕ БОГИ. Перевод В. Дорогокупли	50
ПРАЗДНИК. Перевод О. Мичковского	55
СИЯНИЕ ИЗВНЕ. Перевод И. Богданова	65
ЗОВ КТУЛХУ. Перевод С. Лихачевой.	101
УЖАС ДАНВИЧА. Перевод Е. Мусихина	132
ШЕПЧУЩИЙ ИЗ ТЬМЫ. Перевод О. Алякринского.	180
СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ. Перевод Е. Нагорных	248
СКИТАЛЕЦ ТЬМЫ. Перевод О. Алякринского	291
МГЛА НАД ИНСМУТОМ. Перевод О. Алякринского	316
ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН. Перевод В. Дорогокупли	385
ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ. Перевод Л. Бриловой	454
ИСТОРИЯ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА. Перевод Р. Шидфара . . .	552
ТВАРЬ НА ПОРОГЕ. Перевод О. Алякринского	677
СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ. Перевод В. Дорогокупли	705
ВРАТА СЕРЕБРЯНОГО КЛЮЧА. Перевод В. Дорогокупли	719
СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ ПОИСК НЕВЕДОМОГО КАДАТА Перевод О. Алякринского	756
Примечания. В. Дорогокупля	856

Лавкрафт Г. Ф.

Л 13 Малое собрание сочинений / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. О. Алякринского, И. Богданова, Л. Бриловой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 880 с.

ISBN 978-5-389-08142-0

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, стал маяком и ориентиром жанра литературы ужасов, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов. Влияние его признавали такие мастера, как Борхес, и такие кумиры миллионов, как Стивен Кинг, его рассказы неоднократно экранизировались, а само имя писателя стало нарицательным.

В данную книгу вошли наиболее известные повести и рассказы одного из самых влиятельных мифотворцев двадцатого века.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.10.2018. Формат издания 60 × 90¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 55. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMS-16147-88-R